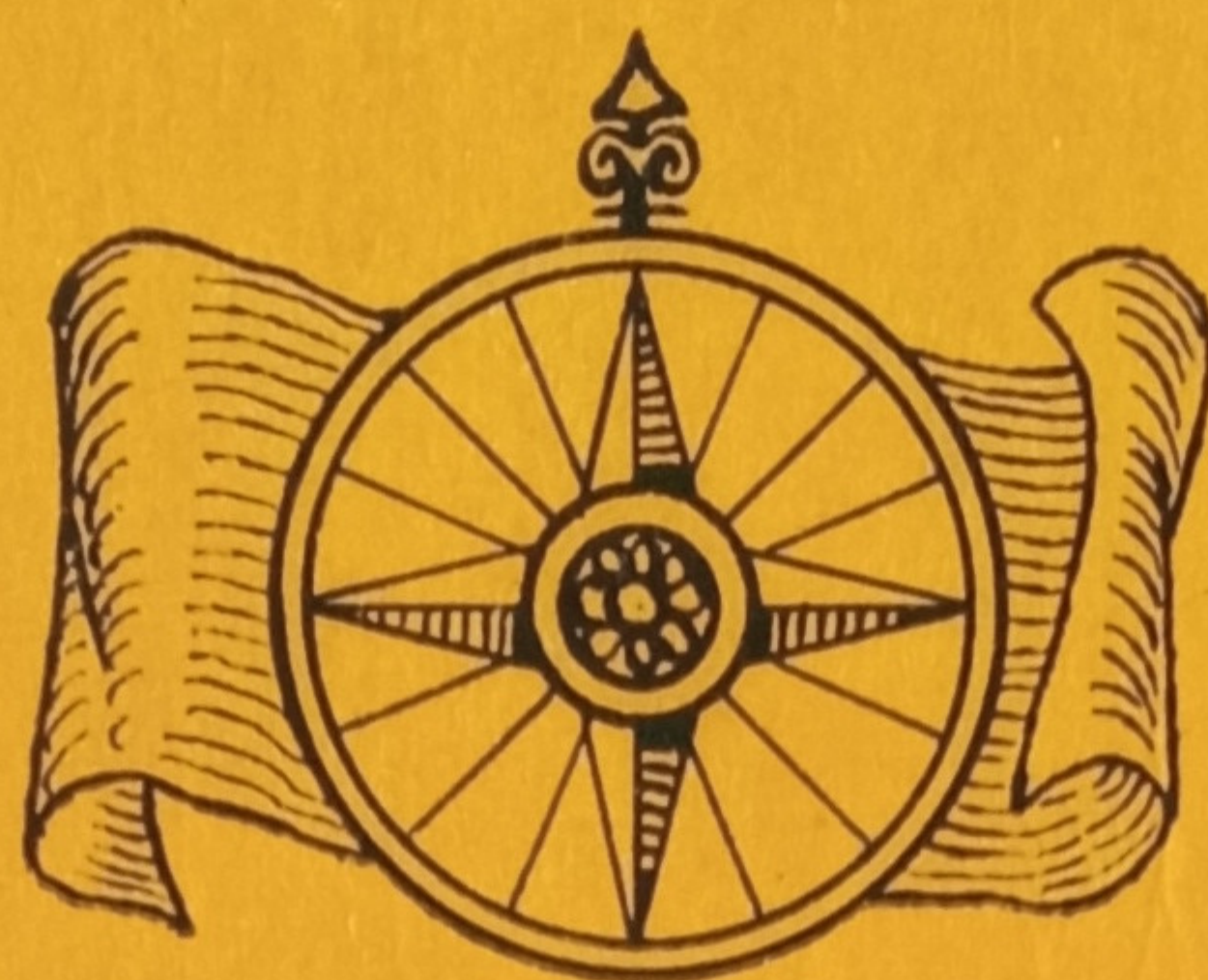

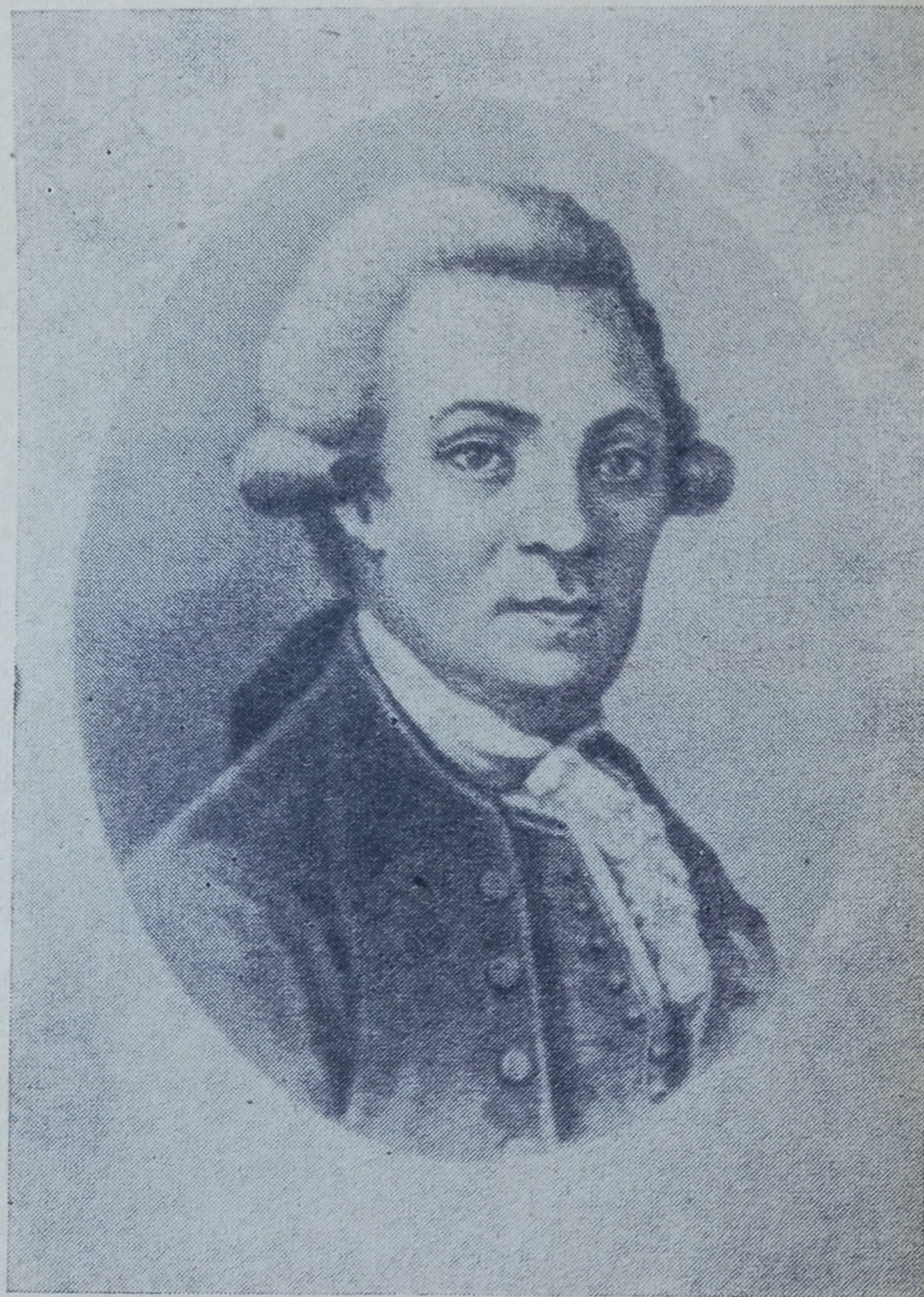
91(с19)/к
Ф82

Н. Г. Фрадкин

С. П. КРАЩЕНИННИКОВ

С. П. Крашенинников

91(с19)
Ф82
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Н. Г. Фрадкин

С. П. КРАШЕНИННИКОВ

Издание третье,
дополненное

Издательство
• МЫСЛЬ •
Москва
1974

О природе Камчатской земли и о племенах, населяющих ее, было известно немного. Крашенинникову предстояло сделать первое подробное географическое описание полуострова.

У КРАЯ ЗЕМЛИ

Туманным осенним утром в начале октября 1737 года началось плавание Крашенинникова по морю на небольшом парусном судне «Фортуна». Это судно было построено еще во время Первой Камчатской экспедиции в 1727 году. С тех пор оно ходило в Охотском море, переправляя людей и грузы из Охотска в Большерецк.

Море встретило путешественника неприветливо. В судне открылась течь. Матросы откачивали воду насосами, но она все прибывала. Пришлось для спасения судна сбросить за борт около четырехсот пудов разных грузов. Были выкинуты и мешки с ржаной мукой, ящики со снаряжением и даже чемодан с бельем, который вез Крашенинников.

На десятый день плавания, когда уже показались берега Камчатки, подул пронизывающий северный ветер и разыгралась буря. Корабль не смог войти в реку Большую, на которой находился Большерецк. Окончилась неудачей и попытка стать на якорь возле берега, чтобы выждать непогоду. Бушующие валы сорвали судно с якоря и выбросили его на песчаную косу. Неделью люди находились на клочке земли, который заливали морские волны, пока наконец пришла помощь из Большерецка.

Когда окончились злоключения плавания, студент бережно собрал уцелевшие остатки багажа — бумагу для дневников, метеорологические инструменты, мешочки с семенами гороха и ячменя. Он сделал опись сохранившихся вещей, добавив к ней: «И больше у меня [ничего] не осталось как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была»¹. Так началась для Крашенинникова жизнь на Камчатке.

Многие путешественники писали книги, повествующие о приключениях, об интересных встречах, об опасностях, с которыми они сталкивались, странствуя по далеким землям. Крашенинников не оставил нам подобной книги. Когда впоследствии увидел свет его обширный труд, созданный в результате путешествия на Камчатку, читатели

нашли в нем прекрасное, всеобъемлющее описание края, но почти ни слова о самом авторе, о том, как он жил на Камчатке, как свел дружбу с ительменами, завоевал их доверие и сколько раз, быть может, находился на волоске от гибели, когда глухими тропами ходил в лесах или плыл в лодке по бурным рекам.

Лишь по скудным строкам уцелевших донесений и писем Крашенинникова мы узнаем о его поездках к огнедышащим горам, к горячим источникам, к морскому побережью и кое-что о его быте на Камчатке. Во многих донесениях можно прочесть, как добивался он, чтобы к приезду профессоров (а он был уверен, что они приедут) были отстроены удобные и светлые «хоромы». И только в одном из писем узнаем, что сам он жил в холодной маленькой каморке, зимой в ней оказалось «как ради стужи, так и ради угару жить невозможно» и пришлось ему «ради беспрестанного от угару беспокойства вытти в черную избу»¹.

Долгое время Крашенинникову забывали выслать положенное жалованье. Он вошел в долги, питался кое-как, месяцами не имел хлеба. В нелегких, а подчас и невыносимо трудных условиях Крашенинников жил на Камчатке с октября 1737 года по июнь 1741 года, то есть около четырех лет.

Все силы он отдавал научным изысканиям. Незнаемая, удивительная страна открывала чудеса своей природы, и он записывал о ней все новые и новые сведения.

* * *

«Если б я студент был, то б описал все горы...» — говорилось в песне, сложенной ительменами.

Где бы ни шел Крашенинников по камчатским землям, вблизи или на горизонте поднимались горы. Реки стекали с них бурными потоками. То тут, то там с шумом низвергались водопады.

Величественная картина открылась взору путешественника у восточных берегов Камчатки. Вдоль побережья тянулась цепь невысоких гор, среди которых поднимались вершины, одетые снегами. Отвесными скалами горы обрывались у тихоокеанских берегов. В берег врезались заливы. Курились вулканические сопки, а в беспредельную даль уходила темно-синяя равнина океана.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 555.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 603.

Камчатская огнедышащая гора.
Иллюстрация к «Описанию земли Камчатки»

Среди описанных Крашенинниковым гор Камчатки была и Ключевская Сопка — самый высокий действующий вулкан Европы и Азии. Крашенинников называл его «Камчатской огнедышащей горой». «Камчатская гора, — писал он, — ...всех, сколько там ни есть, гор выше».

С вершины этой горы, похожей на громадный конус, сползали мощные ледники, а над вершиной клубились, словно густой дым, вулканические газы. Всего за несколько дней до приезда Крашенинникова на Камчатке произошло извержение Ключевской Сопки, и он смог описать это извержение по рассказам жителей окрестных мест. «Вся гора казалась раскаленным камнем. Пламя, которое внутри ее сквозь расщелины было видимо, устремлялось иногда вниз, как огненные реки, с ужасным шумом. В горе слышан был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от которого все ближние места дрожали»¹. Вслед за потоками лавы из кратера изверглась туча пепла, которую подхватил сильный ветер и унес далеко в море. Очевидцы рассказывали Крашенинникову и о том, что Камчатская огнедышащая гора извергается обычно раз в семь — десять лет, а пепел выбрасывается из нее каждый год по два и по три раза, иногда в таком количе-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 210.

стве, что верст на триста во все стороны земля им покрывается.

Крашенинников впервые описал Авачинскую Сопку. От камчадалов он узнал, что эта «огнедышащая гора» с давних лет «курится беспрестанно», а временами извергает огненные потоки лавы и тучи пепла.

Описал Крашенинников и горячие источники Камчатки. Горячие источники считались у ительменов жилищами бесов. Поэтому всякий раз они со страхом и недоумением смотрели, как студент один или вместе с кем-либо из спутников-казаков купался в теплой воде ключей.

«Когда они [ительмены] увидели, что мы в ключах лежали, воду пили и мясо вареное в них ели, то думали они, что мы тотчас погибнем. По благополучном нашем с ними возвращении, с превеликим ужасом рассказывали они... о нашем дерзновении, а притом не могли довольно надивиться, что мы за люди, что и враги нам вредить не могут» — так вспоминает Крашенинников свое посещение одного из горячих источников Камчатки¹.

В первый раз Крашенинников посетил горячие источники северо-восточнее Большерецка. Стояли ветреные и морозные дни, часто поднималась выюга. Тем удивительнее было наблюдать незамерзающую речку, смотреть на ее быстрое течение, на впадающие в нее горячие ручьи и видеть kloчущий водопад, падающий с каменного утеса. Невдалеке от водопада били с большим шумом горячие ключи. Струи воды и пара поднимались на высоту человеческого роста.

Крашенинников осмотрел горячие источники и на юге полуострова. Ранней весной, когда кругом еще лежали глубокие снега, возле ключей уже зеленели травы и зацвели фиалки. И в зимнее время, и весной на горячих источниках можно было видеть уток и лебедей. Они не улетали на зиму, а оставались зимовать среди снегов, у теплых рек, окутанных клубящимися парами.

Особенно запомнилось Крашенинникову посещение горячих источников вблизи истоков реки Семячик. Ительмены, обитавшие в окрестностях, знали о существовании источников, но никогда не подходили к ним близко. Они не говорили Крашенинникову об этом страшном для них месте, боясь, что безрассудный молодой студент отправится «к жилищу бесов». И только уже отъехав сотни верст

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 218—219.

в другую сторону, Крашенинников случайно услышал об этих источниках и повернул обратно.

Вот как повествуется о них в «Описании земли Камчатки»: «На сей площади во многих местах горячий пар выходит с великим стремлением и шум воды клокочущей слышится». «Особливо достойны примечания два великие жерла... ибо в них кипит вода белым ключем как в превеликих котлах с таким шумом, что не токмо разговоров между собою, но почти и крику не можно слышать. Пар идет из них столь густой, что в семи сажнях человека не видно».

Воды источников содежали сероводород. Крашенинников записал: «Во всех вышеписанных ключах вода густа, и протухлыми яйцами пахнет»¹.

Верхнесемячские ключи после Крашенинникова не были посещены никем на протяжении двух столетий.

«Ежели бы я был студент, то бы описал всех морских чаек... Ежели бы я студент был, то б описал всех птиц», — говорилось в песне ительменов.

«Птиц на Камчатке великое множество...» — записывал студент. Чаще всего он встречал водоплавающих птиц.

Близ берегов, высматривая рыбу, носились и безумно кричали чайки. Крашенинников наблюдал, как охотились на чаек ительмены. «Способ ловли их весьма смешон и странен, ибо их удят, как рыбу»². Действительно, охотились камчадалы за чайками необычным образом. Охотник привязывал к длинному ремню или веревке толстый железный, а иногда и деревянный крюк, насаживал на этот крюк рыбу и закидывал своеобразную «удочку» в море. Чайки, увидев плавающую рыбу, «налетают великими стадами» и долго между собою дерутся, пока сильнейшей из них удастся проглотить рыбу. Тогда охотник вытаскивает на берег веревку с крюком, на крюке беспомощно бьется добыча.

Молодой натуралист познакомился с повадками ггар, чистиков, лебедей, уток. Завидев человека в лодке, утки не улетали прочь, а только ныряли в воду. В светлой воде мелких камчатских рек легко было увидеть нырнувших уток, и ительмены кололи их шестами.

Узнал Крашенинников многое и о зверях Камчатки: лисицах, соболях, диких кабанах, оленях и медведях.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 217.

² Там же, стр. 313.

Камчатские медведи летом, когда шла рыба, стадами спускались с гор к рекам. Часто можно было видеть медведя, сидящего в воде и занятого рыбной ловлей. Некоторые заходили так глубоко, что из воды виднелась только голова. Медведь сидел, расставив передние лапы, и оставался неподвижным до той поры, пока между протянутыми лапами появлялась рыба. Тогда мохнатый рыболов с довольным ворчаньем захватывал добычу. Подчас на реке сразу пять, а то и десять медведей, сидя друг подле друга, ловили рыбу.

Камчатские медведи обычно на людей не нападают. По словам Крашенинникова, в летнее время женщины не боятся собирать ягоды поблизости от медведя. «...Одна им от медведей, но и то не всегдашняя обида, что отнимают они у баб набранные ягоды»¹.

У берегов Камчатки путешественник видел морских зверей — тюленей, сивучей, моржей, морских котиков и морских выдр. О сивучах Крашенинников записал, что водятся они по большей части «около каменных гор или утесов в океане... режут странным и ужасным голосом, гораздо громче тюленьего». Днем сивучи обычно проводят время на берегу, а вечером плавают недалеко от побережья. Взрослые сивучи обучают в это время плаванию своих детей: «Щенята, утомившись, на спинах у матерей сидят и отдыхают, а самки колесом ныряют, и с себя сбрасывают ленивых, приучая оных к плаванию».

Завидев людей в море, сивуч убегает. Однако сивуча недаром называют «морским львом». Если охотник отрезает ему путь к бегству, то зверь отчаянно защищает свою жизнь: «...с великим свирепством на противника устремляется, головою махает, ярится и ревет так, что и отважной сам принужден будет спастись от него бегством»².

Поэтому опасный промысел сивуча считался у ительменов почетным делом. Охотник, забивший много сивучей, пользовался заслуженной славой храбреца. Обычно охотники старались застигнуть сивучей врасплох и осторожно подкрадывались против ветра к зверям в часы их сна.

Камчатка изобиловала и разными видами мелких животных. В высоких травах, в березовых лесках и в тундрах шныряли сотни полевых мышей. Нередко можно было ви-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 247.

² Там же, стр. 275—276.

деть широкие мышинные тропы. Трава на них была так гладко объедена, как будто ее выкосили.

Крашенинников слышал от ительменов рассказы о том, что полевые мыши в поисках корма отправляются, «собравшись чрезвычайно великими стадами», из одних мест в другие. Они идут напрямик, не обходя ни рек, ни озер, ни морских заливов. «Переплыв за реку или озеро, лежат на берегу как мертвые, пока отдохнут и обсохнут, а потом продолжают путь свой далее... Иногда стада так многочисленны примечаются, что целые два часа дожидаться надобно, пока оные пройдут»¹.

Путешественнику не пришлось самому увидеть, как переселяются «великие стада» полевых мышей, зато он наблюдал другое — «великие стада» камчатских рыб.

Зимой и весной в камчатских реках почти вовсе не было рыбы. Рыба приходила с моря летом. Громадными косяками шли в устья рек лососевые — кета, чавыча, горбуша. Эти рыбы проводят всю жизнь в море. Рождаются лососи в реке, затем уходят в морские воды и возвращаются обратно в реку лишь однажды в жизни — мечут икру и погибают.

Не раз в июльские дни Крашенинников наблюдал, как шла в реку горбуша. Река бурлила. Шум от идущей и плещущейся рыбы долетал до берега. Он был похож на шум кипящей в громадном котле воды. Словно сильный поток врывался с моря в реку, преодолевая ее течение. Косяк горбуши растягивался иногда на целую версту; в подобном косяке шли тысячи рыб, а подчас их было более миллиона.

С утра до вечера, изо дня в день шла рыба, и над поверхностью воды виднелись медленно поднимающиеся и снова опускающиеся горбатые рыбы спины.

Попав из моря в реку, рыбы, особенно самцы горбуши, постепенно изменялись: из серебристо-белых они становились сначала серыми, а затем коричневыми с ярко-малиновым оттенком; на спине появлялся горб, челюсти увеличивались, искривлялись и в них отрастали большие изогнутые зубы.

Крашенинников записывал, что рыбы, «будучи в реках, цвет свой переменяют, телом худеют, и в крайнее приходят безобразие. У всех носы становятся крюком, зубы вырастают большие...»².

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 305.

² Там же.

Все ительмены в дни, когда шла рыба, работали с утра до поздней ночи. Ведь жизнь их зависела от того, сколько им удастся запасти рыбы.

Рыбные косяки привлекали не одних людей. «Когда на устьях рек появится рыба, то медведи с гор стадами к морю устремляются, и... промышляют рыбу»¹.

А рыба все шла вверх по реке. Она не принимала пищи, разбивалась о камни, но никогда не поворачивала назад. После икрометания все рыбы гибли. Мертвые лососи опускались на дно реки, их выбрасывало водой на отмели, и берега постепенно заносило песком и илом. Так образовывались плодородные земли побережий. На этих землях пышно разрастались густые травы, такие высокие, что в них легко мог скрыться человек.

Ранней весной из икры выходили мальки — маленькие бойкие рыбешки длиной в два-три сантиметра. Они росли и наконец уходили в море, с тем чтобы года через два — четыре опять вернуться в ту же реку для метания икры.

* * *

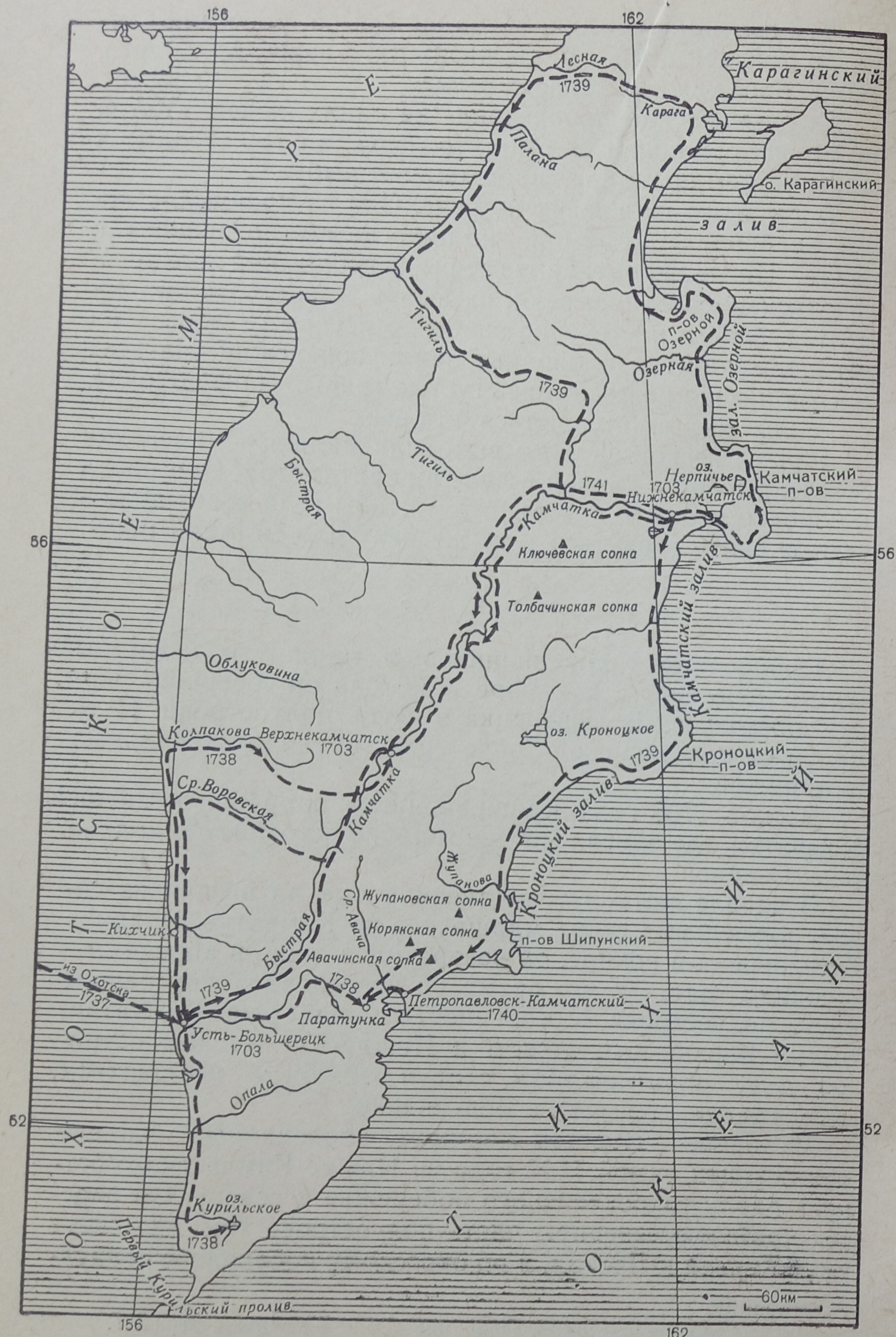
Пройденные Крашенинниковым маршруты известны по его донесениям. В январе 1738 года он совершил первую поездку из Большерецка в глубь полуострова. Путь пролегал к Авачинской Сопке мимо горячих минеральных источников.

Весной 1738 года Крашенинников направился на юг Камчатки, где описал многие горячие источники в долине реки Озерной.

В начале зимы путешественник выехал в один из самых длительных своих маршрутов по Камчатке. Покинув Большерецк в ноябре, он возвратился лишь в апреле следующего года. За это время он исследовал внутренние части полуострова, в особенности долину реки Камчатки, был в Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском острогах, а на обратном пути, следуя западным побережьем полуострова, вернулся в Большерецк.

Особенно интересен маршрут, проделанный Крашенинниковым зимой 1740 года из Нижне-Камчатского острога вдоль тихоокеанского побережья к северу. Он пересек крайнюю северную часть полуострова там, где текут реки Керага и Лесная, и по охотскому побережью вернул-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 247.

Маршруты С. П. Крашенинникова по Камчатке

ся к Нижне-Камчатску. Этот путь выглядит на карте, словно огромная петля.

В рапортах Крашенинников нередко сообщал, что в путь он отправляется на санках, запряженных собаками. Впоследствии в «Описании земли Камчатки» он посвятил отдельную главу рассказу о том, как ездят на собаках местные жители. По этому описанию легко представить и его собственные зимние поездки.

Он ездил в санках, ныне сохранившихся лишь в музеях. Они были устроены несложно. К полозьям прикреплялись по две стойки, которые поддерживали сиденье. Это сиденье было похоже на корзину и покрывалось обычно медвежьей шкурой. «Сидят на санках, — рассказывает Крашенинников, — опустя ноги на правую сторону, а оседлав санки сидеть почитается за великий порок, ибо таким образом сидят на них камчадалские женщины»¹. В руке у ездока «оштал» — длинная кривая палка. Ошталом погоняют и останавливают собак. На верхнем конце палки множество побрякушек или колокольчиков. Одет седок в кухлянку — большую, доходящую до колен меховую рубашку и в меховые сапоги — торбасы. От ездока требуется навык и немалое искусство, чтобы как следует управлять санями.

«Необходимо должно быть осторожну и стараться хранить равновесие; в противном же случае узкие и высокие санки и на самых малых раскатах или ухабах опрокидываются, причем ездок подвержен бывает немалому страху, особливо на пустом месте, ибо собаки убегают, и не станут, пока в жилье придут, или за что-нибудь на дороге зацепятся. А он [ездок] принужден бывает пешитти, чего ради в таких случаях всякий старается как можно за санки схвататься, и тащен бывает иногда с версту, пока собаки выбившись из силы остоятся [остановятся]».

«Вящшее беспокойство в езде бывает, когда на пустых местах застанет вьюга. Тогда с возможным поспешанием надлежит с дороги в лес сворачивать и лежать вместе с собаками, пока утихнет погода, которая иногда по неделе продолжается. Собаки лежат весьма тихо, но в случае голода объедают все ремни, узды, побежники и прочие санные приборы».

«Когда погода застанет на чистой тундре, в таком случае ищут какого-нибудь бугорка и под него ложатся, а

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 398.

чтоб не занесло и не задушило снегом, то каждую четверть часа вставши отрясаются».

Зимняя езда была опасна не только из-за сильных ветров и вьюги. Ехать приходилось все чаще возле рек, а реки на Камчатке «с полыньями превеликими, которые и в самые жестокие морозы не замерзают». Берега рек гористы и зачастую почти непроходимы. И пробираться на санях приходится «по самым узким закраинам, а буде обломятся или санки в воду скатятся, то нет никакого спасения»¹.

Не раз бывал Крашенинников в жестокую пургу в пути, вдали от жилья. Однажды зимой, когда он находился в лесу, началось землетрясение. «...Вдруг как от сильного ветра лес зашумел, и земля так затряслась, что мы за деревья держаться принуждены были, горы заколебались, и снег со оных покатился»², — читаем в одном из его отчетов.

В летние месяцы Крашенинникову часто доводилось путешествовать в лодке. Он видел на берегах рек буйный рост высоких, сочных трав, веселые березовые рощи с развесистыми кронами деревьев и непролазные чащи ольхи. Медведи с трудом прокладывали себе путь через ольховник. Лишь по медвежьим тропам мог без больших усилий пробраться через такую чащу человек.

Природа словно спешила расцвести после долгой зимней спячки. На глазах у путешественника за считанные дни поднимались заросли трав выше человеческого роста. Особенно поразили Крашенинникова своей красотой черно-пурпуровые цветы камчатской лилии — сараны. В июле они резко выделялись среди зелени лугов и перелесков. «...В то время за великим ее множеством, — записывал он, — издали не видно на полях никаких других цветов»³.

Крашенинников пересек громадный Камчатский край в самых различных направлениях. Сотни верст он прошел долинами рек и более тысячи вдоль морских берегов. Во время поездок он подолгу останавливался в селениях камчадалов, как называли тогда русские жители Камчатки ительменов. Жили камчадалы зимой в полуподземных жилищах из бревен. В потолке такого жилища устраивалось отверстие, служившее «вместо окна, и вместо две-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 398—401.

² Там же, стр. 629.

³ Там же, стр. 228.

рей, и вместо трубы». Летом же они обитали в своеобразных свайных постройках, носивших название балаганов.

Устраивались балаганы просто: ставились девять свай, сверху на них укреплялся помост, на котором сооружали шалаш из кольев. Забираться в этот шалаш надо было по лестнице.

Крашенинников был частым гостем у ительменов. Познакомившись с ним поближе, они стали относиться к нему дружески, с большим уважением. В беседах Крашенинников узнавал у стариков, как они жили когда-то, до появления русских. Железа ительмены в те времена не знали. «Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также и из яшмы... Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года»¹.

Крашенинников еще застал и мог видеть своими глазами каменные и костяные орудия труда камчатских племен, ножи из горного хрусталя зеленоватого или дымчатого, насаженные на деревянные черенки, хрустальные наконечники для стрел и иглы, выточенные из соболиных костей.

Удивительным показался Крашенинникову обряд гостеприимства у ительменов. Гость приезжает с подарками, но вручает их хозяину не сразу, а после полагающихся по обычаю церемоний. «По вступлении гостя в юрту и гость и хозяин раздеваются донага». Хозяин непрерывно потчует гостя всякими кушаньями и поливает воду на раскаленные камни, лежащие на очаге, — поддает пару, чтобы в жилище сделалось нестерпимо жарко. «Гость старается все, что у хозяина пристряпано, съесть и жар его вытерпеть, а хозяин старается принудить, чтоб гость взмолился и просил бы свободы от пищи и жару... Хозяин в то время ничего не ест, и из юрты выходить волен. Но гость до тех пор не выпускается, пока побежденным себя признает»². Затем гость «откупается» от хозяина разными привезенными им вещами, уезжает домой и ждет ответного посещения.

Путешественник наблюдал у ительменов различные суеверия и немало грубых обычаев, свойственных племенам, находящимся на низкой ступени развития культуры.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 380.

² Там же, стр. 432.

Езда на собаках.
Иллюстрация к «Описанию земли Камчатки»

Но он видел у них и мужество, и трудолюбие, и горячую любовь к детям. Он слушал вечерами ительменские песни, в которых звучали задор и охотничья удаль, печаль и любовь. И записывал Крашенинников, что «сей народ имеет к музыке великую склонность» и что в пении ительменов «ничего дикого не примечается»¹.

Находясь в Большерецке, Крашенинников изо дня в день вел метеорологические наблюдения. Он установил на берегу моря столб, размеченный на футы и дюймы, и отмечал по нему высоту приливов, а по устроенным около столба солнечным часам определял начало и конец приливов и отливов.

Крашенинников тщательно переписывал старые документы, хранившиеся в большерецкой приказной избе, и изучал по этим документам историю Камчатки. Он собирал сведения и о Курильских островах, открытых русскими землепроходцами и обстоятельно обследованных геодезистами при Петре I.

Из рапортов Крашенинникова узнаем также и о его других работах. «При начатии весны старался я о заведении [заведении] огорода, в котором сеял репу, редьку, ячмень и сажал все те травы, которые найти мог».

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 430.

Внутренний вид жилища камчадалов.
Иллюстрация к «Описанию земли Камчатки»

Любовно и настойчиво ухаживал студент за огородом. Он понимал великое значение того, что делал на маленьком клочке земли. Ведь надо было выяснить возможности развития земледелия на Камчатке. И Крашенинников заботливо отмечал все подробности: «Горох сажал мая 25 дня... редьку сажал — 30, а репу — 31 числа мая; редька и репа взошли, и ныне редька с большую морковь величиною»¹.

Во многих работах Крашенинникову помогали его помощники — Иван Пройдошин, Василий Мохнаткин, Егор Иконников, Степан Плишкин, Михайло Лепехин. Их выделило местное начальство из числа «служивых».

Крашенинников обучил их, как надо обращаться с барометром, как определять с помощью флюгера направление ветра, собирать травы и наблюдать различные явления природы. Когда он отправлялся в поездки по Камчатке, то поручал одному из помощников продолжать вести метеорологические наблюдения в Большерецке, а также записывать в дневнике обо всем, что произойдет в природе примечательного: «...когда весною или осенью

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 577—578.

гольцы в море поплывут, когда птицы прилетят и отлетят; о трясении земли, ежели случится...»¹

* * *

В 1740 году — на третьем году пребывания Крашенинникова на Камчатке — он закончил и послал в Сибирь «благородным господам профессорам» описания камчатских народов и разные коллекции. «Собранные мною на Камчатке травы, птицы и рыбы ...в четырех ящиках да в сыромятной суме посылаются»², — писал он в одном из донесений.

Жалованья ему все еще не присылали. Он голодал, одежда давно уже пришла в ветхость. Но ни в донесениях, ни в письмах его не чувствовалось усталости от напряженных трудов. Работы по описанию Камчатки близились к завершению, и только одно дело, причинявшее ему немало хлопот, так и осталось незаконченным: местные власти упорно не хотели заниматься постройкой «хором» для профессоров.

Наконец вместо Гмелина и Миллера, добившихся разрешения не ехать на Камчатку, в Большерецк прибыли Делиль Делаacroер и молодой натуралист, адъюнкт Академии наук Г. В. Стеллер. Делаacroер, человек по существу случайный для науки, не принес пользы экспедиции в Сибири, также бесплодным оказалось и его пребывание на Камчатке. В противоположность ему Стеллер был исследователем, всецело увлеченным своим делом. За годы своей недолгой жизни (он умер в 37 лет), насыщенной приключениями и путешествиями по суше и морю, он успел сделать для науки многое. С Камчатки он отправился в 1741 году на корабле «Св. Петр» под командой В. Беринга к берегам Америки. Его камчатские исследования, особенно в области зоологии, послужили ценным дополнением к исследованиям Крашенинникова.

По свойствам своего характера Стеллер был человеком трудным. Как видно из уцелевших документов о плавании на корабле «Св. Петр», у него установились неприязненные отношения с офицерами корабля. Видимо, и по приезде в Большерецк, став начальником студента

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 580.

² Там же, стр. 607.

Крашенинникова, молодой адъюнкт отнесся к нему отчужденно, подчеркнуто официально. Месяц спустя после приезда Стеллера на Камчатку Крашенинников получил от него письменное предписание сдать ему материалы проделанных работ. Крашенинников это предписание выполнил, хотя естественно предположить, что ему было тяжело расставаться со всем собранным и написанным.

Историки науки неоднократно обсуждали этот поступок Стеллера, а также делали сопоставления созданных впоследствии работ Крашенинникова и Стеллера о Камчатке¹. Было выяснено, что в работе Стеллера, изданной после его смерти (он не успел ее закончить и подготовить для печати), отражены некоторые материалы Крашенинникова. Когда Крашенинников создавал свой капитальный труд «Описание земли Камчатки», ему было предложено в Академии учесть наблюдения Стеллера. Крашенинников осуществил это, тщательно оговорив каждое из наблюдений, принадлежащих Стеллеру.

Оба они были выдающимися исследователями: Стеллер в особенности как зоолог, Крашенинников — как географ и этнограф. Но по своим личным качествам скромный, неизменно выдержанный Крашенинников и неуравновешенный, подчас эгоцентричный в своих поступках Стеллер были совсем разными. Пожалуй, не случайно поэтому об их кратковременном совместном пребывании на Камчатке остался памятным только упомянутый выше эпизод.

Вскоре после прибытия Делаacroера и Стеллера Крашенинников совершил поездку на север полуострова — это было его последнее путешествие. 12 июня 1741 года Крашенинников отплыл от камчатских берегов на судне «Охотск». Не приводя здесь сведений об его обратном пути через Сибирь, скажем лишь, что в Якутске он женился на родственнице местного воеводы Степаниде Ивановне Цибульской, что длился обратный путь около полутора лет и что всего за годы путешествий по землям сибирским и камчатским Крашенинников, по его собственным подсчетам, прошел 25 773 версты.

¹ См. об этом подробнее в кн.: В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., стр. 144—145; Н. Н. Степанов. Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки». — В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 41—43.